

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3039](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039)

А. Ю. Филякин

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН
(ИССЛЕДОВАНИЕ ТРОИЦКОГО ОБХОДНОГО ОБРЯДА
В ДЕРЕВНЕ ЩЕРБИНИНО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Правильная ссылка на статью:

Филякин А. Ю. Нематериальное культурное наследие в представлениях россиян (исследование троцкого обходного обряда в деревне Щербинино Московской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 246—270. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039>.

For citation:

Filyakin A. Yu. (2025) Intangible Cultural Heritage in the Perceptions of Russians (The Study of the Trinity Home-to-Home Walk Rite in the Village of Shcherbinino in Moscow Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 246–270. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039>. (In Russ.)

Получено: 01.06.2025. Принято к публикации: 29.10.2025.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН (ИССЛЕДОВАНИЕ ТРОИЦКОГО ОБХОДНОГО ОБРЯДА В ДЕРЕВНЕ ЩЕРБИНИНО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ФИЛЯКИН Арсений Юрьевич — аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации Института общественных наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия
E-MAIL: arsen2812@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9871-0438>

Аннотация. В статье исследуются представления россиян о нематериальном культурном наследии (НКН) на примере объекта наследия славянской культуры — троицкого обходного обряда в деревне Щербинино Московской области. С учетом современного понимания НКН как «живого» (то есть в полной мере существующего лишь в момент воспроизведения) феномена в качестве основного подхода к его рассмотрению выбран конструктивизм, постулирующий интерпретацию индивидом окружающего мира в соответствии со знаниями, заложенными при социализации и закладываемыми в процессе постоянного социального взаимодействия. Конструктивистская идея в наследническом ракурсе объясняется проблемой поиска идентичности. Автором выдвигается концепция «наследиезации» как неотъемлемого понятия в контексте исследования конструирования культурного феномена как наследия. Концепция «наследиезации» позволила встроить изучение троицкого обряда в более широкий социокультурный контекст через сравнение с неоязыческими практиками сохранения славянского наследия. Методом сбора данных выступают глубинные интервью с жителями Щербинино. Результаты иссле-

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE PERCEPTIONS OF RUSSIANS (THE STUDY OF THE TRINITY HOME-TO-HOME WALK RITE IN THE VILLAGE OF SHCHERBININO IN MOSCOW REGION)

Arseniy Yu. FILYAKIN¹ — Graduate Student, Department of Cultural Studies and Social Communication, School of Public Policy
E-MAIL: arsen2812@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9871-0438>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Moscow, Russia

Abstract. The article examines contemporary Russian perceptions of intangible cultural heritage (ICH) using the example of a Slavic cultural heritage site — the Trinity Home-to-Home Walk rite in the village of Shcherbinino in the Moscow Region. Given the modern understanding of ICH as a “living” phenomenon (i.e., fully existing only at the moment of reproduction), constructivism has been chosen as the primary approach to examining ICH. It postulates an individual’s interpretation of the surrounding world in accordance with knowledge ingrained in the process of socialization and developed through ongoing social interaction. The constructivist idea, from a hereditary perspective, is explained by the problem of the search for identity. The author proposes the concept of “heritagization” as an integral concept in the context of research into the process of constructing a cultural phenomenon as heritage. The concept of “heritagization” allowed the study of the Trinity rite to be embedded in a broader sociocultural context through comparison with Neopagan practices of preserving Slavic heritage. Data collection was conducted through in-depth interviews with residents of Shcherbinino. The study’s results confirm the transformation of ICH phenomena (changes in the meanings that heritage bear-

дования подтверждают факт трансформации феноменов НКН (изменения смыслов, которыми наделяют наследие его носители) вследствие воздействия внешне- и внутриполитических, социокультурных факторов. Использование семиотического подхода к анализу ответов информантов позволило составить современную семантическую картину обряда, включающую архаичные смыслы (культ растений и тему смеха, игрищ и увеселений), актуальные интерпретации (религиозную (христианскую и «языческую»), народную и аналогически конструируемую) и мотивы (кулинарно-гастрономический и коммуникативный).

Ключевые слова: обряд, традиция, славянская культура, вернакулярные религии, Троица, идентичность, наследие, нематериальное наследие, конструктивизм, наследиезация, неоязычество, культурное наследие

ers ascribe to it) as a result of the influence of external and internal political and sociocultural factors. The use of a semiotic approach to analyzing informants' responses allowed the creation of a contemporary semantic picture of the rite, incorporating archaic meanings (plant cult and theme of laughter, games, and entertainments), current interpretations (religious (Christian and "pagan"), folk, and analogically constructed), and motifs (culinary-gastronomic and communicative).

Keywords: rite, tradition, Slavic culture, vernacular religions, Trinity, identity, heritage, intangible cultural heritage, constructivism, heritagization, Neopaganism, cultural heritage

Введение

Тема культурного наследия (КН) актуальна в современном российском обществе, что подтверждается на государственном уровне, например, объявлением Указом президента 2022 г. Годом культурного наследия народов России¹, а на уровне научного сообщества — ростом числа публикаций соответствующей тематики [Филякин, 2025: 96—97].

Нематериальное культурное наследие (НКН) представляет собой особый вид КН, который отличается отсутствием физического объекта. Благодаря этому НКН неразрывно связано с человеческим сознанием, которое поддерживает его существование. «Живая целостность» феномена НКН и его носителей, среды его бытования [Kirshenblatt-Gimblett, 2004: 53] является перспективным концептом в изучении НКН.

«Живая» сущность НКН позволяет понимать его как практику отношения к прошлому. Согласно Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, феноменами НКН могут быть танцы, обряды, ремесла и т. д.² В процессе исполнения танца, совершения обряда, ремесленной работы (а именно в процессе воплощается НКН) человек обращается к прошлому через восприятие

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 31 декабря. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115?ysclid=m644uwko9k18115975> (дата обращения: 29.11.2025).

² Конвенция об охране нематериального культурного наследия // ООН. 2003. 17 октября. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

своего занятия как части жизни предшествующих поколений. Воспринимать прошлое можно различными способами. Например, в ракурсе истории или памяти. С. А. Еремеева трактует эти понятия как «разные способы „упаковки“ прошлого» [Еремеева, 2022: 5]. Д. Лоуэнталь предлагает также понимать наследие как особый ракурс восприятия прошлого. По мнению исследователя, наследие не просто указывает на прошлое, но и наполняет его целями настоящего [Lowenthal, 1998: 15]. Ш. Макдональд обозначает задачей критических исследований наследия поиск ответа на вопрос, почему определенные вещи начинают считаться наследием и какие последствия вытекают из этого [Macdonald, 2013: 17]. Такой взгляд на наследие отсылает в важнейшим культурологическим проблемам «традиций и инноваций», модернизации культуры.

Наиболее подходящим для подробного изучения смысловой трансформации НКН под влиянием быстро меняющейся социальной реальности является, с точки зрения автора, конструктивистский подход. Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, представления индивида о мире формируются в процессе социализации, социального взаимодействия [Бергер, Лукман, 1995: 101—102]. Об особой важности этапов первичной социализации в конструировании картины мира писали П. Бурдьё [Бурдьё, Пассрон, 2007] и представители советской психолого-педагогической школы [Выготский, 1991; Макаренко, 1985]. По мнению М. Мейснер, как часть «инкорпорированного культурного капитала» (П. Бурдьё) НКН вносит вклад в формирование габитуса и дает причастным к нему людям чувство идентичности [Kusek, Purchla, 2019: 440—442]. Конструироваться могут представления не только отдельных индивидов и небольших групп, но и многочисленных сообществ. Так, Б. Андерсон предлагал понимать нации как конструкты в сознании их представителей [Андерсон, 2001: 29—32]. Конструктивистский подход к наследию диктует следующее определение: НКН — это форма культурной деятельности, которая воспринимается как культурный опыт предыдущих поколений и формирует тем самым чувство самобытности и преемственности.

Обращение к прошлому — это всегда процесс, имеющий свои предпосылки, цели, двигатели. Среди подходов к изучению обращения людей к прошлому следует упомянуть концепции «архаизации» (пробуждение архаических элементов в культурной памяти [Хачатурян, 2012: 10—11]) и «меморизации» / «мемориализации» (актуализация памяти под воздействием социальной среды [Абдулаева, Курбанова, 2023; Гун, 2018]). Перманентный процесс конструирования наследия (наследиетворчество) следует обозначить понятием «наследиезация» (от англ. *heritagization*). Данный термин почти не используется в отечественной науке (разве что в качестве своего рода аналога термина «музеефикация» [Актуально о музее..., 2019: 21]), однако зарубежные авторы к нему обращаются часто, например в рамках исследований культурной политики [Nilsson, 2018; Huang, Zhou, 2024]. Процессы «наследиезации» стимулируются поиском индивидами в прошлом легитимности своих точек опоры в настоящем (поиском идентичности) и носят характер позитивного восприятия. Следовательно, «наследиезация» — это вызываемое поиском идентичности надделение культурного феномена статусом наследия предыдущих поколений. «Наследиезация» может быть бессознательной или осознанной, инициироваться отдельными людьми или группами (и государством —

через культурную политику). Важно отметить, что конструктивистский ракурс исследования НКН, делающий акцент именно на восприятии прошлого, позволяет также подразделять «наследиезацию» на такую, объектом которой выступает реальный феномен из прошлого (пусть и переосмысленный), и на такую, чей объект — современный феномен, который лишь считается индивидами относящимся к прошлому.

В контексте курса современной российской политики на самость, цивилизационный путь развития, что утвердилось как актуальная риторика власти после начала специальной военной операции (СВО) и стало лейтмотивом внутренней политики³ [Лапин, 2021], славянское дохристианское КН (выражаемое, в частности, в таких формах НКН, как верования и обрядность) представляется актуальным полем для исследования трансформации НКН через изменение смыслов, вкладываемых в него носителями. Тем более что в последнее время в российском обществе наблюдается особый интерес к славянской тематике — в медиапространстве одним из культурных трендов стал «славянский шик» (мода на «славянскую» одежду, туризм в формате «избинга», этническую музыку и т. д.).

Исследовательской базой для статьи послужили глубинные интервью с жителями деревни Щербинино Московской области, в которой практикуется обряд обхода дворов на Троицу. Выбор деревни объясняется ее территориальным соседством с неоязыческим капищем⁴, благодаря чему в гайд удалось включить вопросы об отношении информантов к осознанному конструированию обрядности и сравнить два разных варианта «наследиезации». Выводы интервьюирования (эмный взгляд на обряд) сопоставляются с релевантным этнографическим материалом (этний взгляд). Обряд анализируется с позиций семиотического подхода, который призван наиболее подробно раскрыть его смысловую картину [Кимеева, Абрамова, Насонов, 2021].

Цель исследования заключается в определении специфики трансформации семантической картины славянского НКН (векторов и факторов трансформации) на примере щербининского обряда и в выявлении траектории его «наследиезации». Согласно гипотезе исследования, поддерживаемое практиками дохристианское наследие славянской культуры (его смысловая палитра) конструируется в соответствии с современными тенденциями поиска идентичности на уровне общества и государства.

Славянская обрядность в этнографии XIX—XX веков и на рубеже XXI в.: дохристианские практики весенне-летнего (троицко-семицкого) цикла

О дохристианских верованиях славян известно крайне мало в силу отсутствия достаточного количества исторических свидетельств и долгого периода борьбы христианства с местными поверьями. Как писал Н. М. Гальковский, относительно так называемого «русского язычества... можно только предполагать и гадать

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант. 2022. 10 ноября. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m8zu7d3fw7924607247> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ Достопримечательность «Капище Перуна» // Яндекс Карты. URL: <https://yandex.com/maps/-/CLR0jH-H> (дата обращения: 05.10.2025).

сь большей или меньшей вероятностью» [Гальковский, 1916: 1]. Термин «язычество» в современной научной литературе подвергается критике, так как указывает не на некое религиозное учение, систему верований. Еще в середине прошлого века В. Я. Пропп писал, что идея о причислении древними славянами Ярила, «троичной» (троицкой) березки или чучела масленицы к божествам не находит подтверждения в этнографическом материале [Пропп, 1995: 108]. Современные исследователи О. В. Белова и В. Я. Петрухин заявляют, что в произведениях фольклора, ставших важными источниками сведений о язычестве, собственно языческий смысл часто преувеличен толкованиями исследователей или даже сконструирован, а языческие сюжеты бессистемны и часто носят лишь метафорический характер [Белова, Петрухин, 2008: 10—29]. По этой причине дохристианские славянские верования следует определять через актуальное понятие «вернакулярные верования», акцентирующее внимание на внеинституционализированных, повседневных, индивидуально-личных религиозных формах, отсутствии рефлексии и выраженном географическом факторе [Лютаева, 2023: 123—124]. Использование данного понятия также помогает рассмотреть «преломление» догматов официальной религии через индивидуальное восприятие, призму архаичных убеждений [Шахнович, 2023: 594—595].

Бурно развивавшаяся на рубеже XIX—XX веков этнография оставила богатое наследие в области исследования вернакулярных славянских верований и связанной с ними обрядности. Щербининский обряд обхода дворов входит в троико-семицкий комплекс празднеств весенне-летнего цикла, знаменующий конец весны и начало лета. Этот цикл был у славян наиболее насыщенным праздниками периодом, так как это было время активной сельскохозяйственной работы, плоды которой должны были обеспечить сытное и безбедное существование в холодное время года. Зависимость праздничной активности от трудовой нагрузки объясняется проистекающей из трудовой теории праздника В. И. Чичерова аграрно-продуцирующей теорией В. Я. Проппа [Мазаев, 1978: 47—48], согласно которой праздник моделирует дополненные магическим пониманием трудовые отношения.

Как пишет Д. К. Зеленин, в обрядах семика и Троицы прослеживается смешение культа растений и культа заложных покойников, которых раньше хоронили именно в семик [Зеленин, 1991: 394]. Наличием культа заложных, то есть преждевременно умерших, покойников объясняется и привязка к троико-семицкой обрядности темы русалок — умерших «нечистой» (неестественной) смертью девушек (девственниц), образ которых (вместе с праздником русалий, или «русальными днями») был заимствован славянами на Западе. Культ заложных покойников порождал обряд кумления (посестримства) с русалкой с целью получения предсказания, задабривания и доставления русалке развлечения эротического характера, а также следующие за ним обряд раскумления и обряд поминовения заложных покойников, при котором в их могилы в качестве жертвоприношения и для защиты от болезней бросали деньги и яйца. Переходя к анализу культа растений, Зеленин пишет: «Так как кумовство при отсутствии крестника стало непонятным, появился и крестник. Так возник новый южнорусский обряд („крещение кукушки“), где кукушку изображает пучок травы» [там же: 395]. С культом растений связан обряд внесения в деревню березки и обряд плетения венков — ка-

челей для русалок. Зеленин также упоминает и связанную с этими праздниками обрядовую пищу — яичницу. Яйцо, как пишет В. Я. Пропп, символизировало бес-смертие и воскресение, обеспечивало их, а также было средством, вызывающим рост хлебов [Пропп, 1995: 106—107].

Пропп выделяет большее количество «„слагаемых“ структуры аграрных праздников» [там же: 9], имеющих переклички с троицко-семицким циклом. Он отмечает, что «русские праздники имеют чрезвычайно архаический, добожеский характер» [там же: 110], поэтому божества здесь — силы природы (поту- и посюсторонний миры воспринимались древними славянами как в равной мере реально существующие). Пропп отдельно выделяет поздравительно-заклинательные песни, которые исполняли на разные праздники, и, в частности, пишет, что на Троицу исполняли нечто вроде рождественских колядок, имеющих целью заклятие урожая и благополучия семьи, а также вносили в дом ветки березы как символ счастья и изобилия [там же: 64—65]. В описании Проппа примечательны два факта, а именно: 1) подобные колядкам песни пели и носили при этом березовые ветки в Западной Европе, а в России — нет; 2) в XIX веке колядование уже превратилось в игру и стало уделом детей [там же: 49, 65]. Помимо обрядового пения Пропп находит в троицко-семицкой обрядности элементы комизма и игрищ. Темы смерти и смеха прослеживаются в «веселых» похоронах и уничтожении троицкой березки путем выбрасывания ее в поле или пруд. «Смешным может быть только человек и то, что его напоминает» [там же: 111], поэтому антропоморфный облик березки вызывал яркие позитивные эмоции. При этом сопровождаемая смехом инсценируемая смерть переходила в новое рождение, а сам смех был способен «усилить производительные силы природы» [там же: 113—114]. Иллюстрирующий обрядовые игрища и увеселения обряд кумления в семик помимо создания союза между девушками имел целью подготовить девушек к будущему материнству.

Тема игрищ и увеселений еще шире освещена Т. А. Агапкиной в рамках описания матримониально-эротической мифопоэтической доминанты троицко-купальского цикла (данным циклом Агапкина объединяет троицкие празднества со следующим за ними праздником Купало). Эротическая составляющая обуславливалась идеями «„растрачивания“ эротического потенциала» молодых людей перед браком, воспевания фертильности, «репетиции» свадеб [Агапкина, 2002: 514—525]. Смыслы, заключенные в представленных Агапкиной «доминантах», на которые раскладывается мифопоэтическая семантика славянского календаря — связанные с поминовением усопших, растительностью, животным миром, эротизмом, космосом, стихиями воды и земли, — сливаются в общий смысл о пробуждении всего живого, обновлении, новом начале, который читается в каждом обряде троицко-семицкого цикла, являющегося переходным периодом от весны к лету.

Разнообразие обрядов троицко-семицкого цикла проистекает из сложившихся традиций контакта с загробной жизнью и воспевания пробуждения природы в той или иной местности, в том или ином сообществе. Обряды общения с русалками, исполнения заклинательных песен, украшения березок и другие широко представлены в работах Т. А. Агапкиной, Д. К. Зеленина, А. А. Коринфского (например, упомянутые им обычай «русалочьих проводов» в Черниговской губернии или «купание-захоронение Костромы» в Пензенской и Симбирской губерниях [Ко-

ринфский, 2013: 344—345]), В. Я. Проппа. Стоит отметить, что вне зависимости от взглядов на символику празднеств все исследователи, в том числе и работавшие в XIX веке (такие как А. А. Коринфский и Н. Н. Харузин [Сборник свѣдѣній..., 1889—1891]), сходятся во мнении, что православная церковь активно вытесняла вернакулярные верования, в существовавшие народные праздники и традиции вплетались христианские, заменяли их собой (об осведомленности церкви о популярности вернакулярных верований и резко негативном отношении к ним свидетельствует Стоглав).

Рассматриваемый в данной статье обряд относится к категории обходных обрядов, представляющих собой разновидность ритуальных действий преимущественно магического характера, которые иногда сопровождалась мероприятиями развлекательного характера, такими как шутки, заигрывания, запугивания, танцы, игры [Славянские древности..., 2009: 484—485]. Главной ритуально-магической целью этих мероприятий было «обеспечение общесемейного и хозяйственного благополучия» [там же: 485]. Неизменным элементом обходных обрядов было собиране даров — продуктов питания, денег, текстильных изделий [там же: 486].

Щербининский обряд входит в группу троицких обходных обрядов Восточного Подмосковья, основным ареалом распространения которых являются Павлово-Посадский городской округ, Орехово-Зуевский городской округ, Муниципальный округ Шатура, Муниципальный округ Егорьевск. Обряд представляет собой следующий комплекс мероприятий. Рано утром в Троицу дети собираются в небольшие группы и идут от дома к дому с украшенной ленточками березкой (цельным деревцем или веткой, которую обычно наряжают накануне), называемой «кумушкой». Около каждого дома они останавливаются, поют песенку (также именуемую «кумушкой»), за что жильцы дают им сладости, деньги и яйца. Одаряющие детей взрослые также по-своему участвуют в обряде — приготавливают гостинцы, украшают дома, просыпаются загодя в день совершения обряда и встречают его участников. Описание обряда по этнографическим экспедициям конца XIX — начала XX века представлено в статьях Е. Г. Борониной [Боронина, 2015; История России..., 2022; Фольклор..., 2004], Д. В. Громова [Громов, 2023] и М. Б. Чернышевой [Чернышева, 1996]. М. Б. Чернышева и Е. Г. Боронина исследуют обряд в первую очередь с точки зрения его музыкальной составляющей. Так, Е. Г. Боронина выделяет два типа формульных напевов «кумушки». В данной статье речь пойдет о песенке второго типа, которому, согласно Е. Г. Борониной, свойственны афористичность и интонационная лаконичность; такая песенка представляет собой «попевку из мира скандирования» [Фольклор..., 2004: 300—302]. Что касается смысловой палитры, то в текстах всех песен прослеживаются общие мотивы, отсылающие к обряду кумления: обращение, благопожелание, приход славельщиков к березе-«кумушке», принесение ей угощения, мотив положительных свершений, просьба о подаении или поздравление с праздником [там же: 299; История России..., 2022: 124]. Цель обряда исследователи видят в поздравлении людей с праздником и сборе подаения для последующей совместной трапезы [Фольклор..., 2004: 296].

Исследователи обходных обрядов в разных частях России отмечают их трансформацию. К примеру, З. М. Брусько с заметной апелляцией к концепции игро-

вой природы культуры пишет, что омоложение участников татарских обходных обрядов способствует обретению детьми роли «медиатора между людьми и высшими силами», а сама игровая форма поддерживает передачу культурного опыта [Брусьюко, 2020: 135—136]. Трансформацию обряда Восточного Подмосковья усматривают в постепенном исчезновении из песен мотивов аграрной магии (благопожеланий) [Боронина, 2015: 14]; в усилении разрыва обряда обхода дворов с обрядом завивания березки, выражающегося в снижении интереса к выбору березки заранее; в переходе обряда из молодежного в детский (что, кстати, разнится с упомянутыми ранее сведениями В. Я. Проппа, согласно которым этот переход произошел еще в XIX веке); в отмирании традиции украшать березку яичными скорлупками [Громов, 2023: 57].

Отдельный уникальный и весьма специфический способ поддержания славянских обрядов, отсылающих к вернакулярным верованиям, реализуется в рамках неоязыческих практик, вызывающих в последнее время бурный интерес у антропологов, этнографов, религиоведов. Несмотря на явную новизну самого феномена неоязычества и конструктивистскую сущность порождаемой им обрядности [Шиженский, 2024; Шнирельман, 2012], неоязыческую деятельность вполне можно рассматривать в контексте «наследиезации», учитывая, например, наследнический дискурс в неоязыческих документах⁵. В социальной сети «ВКонтакте» в описании официальной группы движения «Круг Языческой Традиции», представители которого до недавних пор проводили обряды на капище близ Щербинино, указано, что движение развивается в соответствии с вышеупомянутой конвенцией ЮНЕСКО. Вместо Троицы неоязычники отмечают праздник Купало, сопровождающийся ритуальным сожжением костра, «похоронами» антропоморфной куклы Ярило, обрядами кумления, украшения и утопления березки. Неоязыческие обряды имеют четкие сценарии, составленные идеологами движения в 1990-х годах и вытекающие из концепции, представляющей собой сплав реальных исторических и этнографических материалов и сконструированного представления о пантеоне славянских богов. Неоязыческие религиозно-культурные воззрения также обладают ярко выраженным современным социально-политическим подтекстом: противостояние модернизации, построение мононационального государства и т. д. [Шнирельман, 2012: 21].

Коллективная картина мира информантов и факторы ее трансформации с акцентом на щербининском обряде

Участниками глубинных интервью выступили десять жителей Щербинино, являющиеся либо непосредственными участниками обряда, либо его постоянными наблюдателями и «участниками через детей» (например, помогают детям готовиться к обряду). Подробный социально-демографический состав информантов пред-

⁵ В «Манифесте Языческой Традиции» неоязычники позиционируют себя и своих предков как «прямых потомков и наследников Богов» [Авдонова и др., 2007: 9]. В «Битцевском обращении» также встречается формулировка «прямые потомки и наследники [религии древних славян. — Прим. авт.]» (Битцевское обращение // Славянская традиция. URL: <https://slavtradition.com/soobshchestva/obshchiny/dokumenty/8107-bitcevskoe-obrashchenie> (дата обращения: 07.07.2025)). В уставе Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ) в пункте 1.6 указано, что Союз «придерживается, распространяет и развивает исконное вероучение славян, их духовное и культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение» (Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры // Устав ССО СРВ. URL: <https://rodnovery.ru/dokumenty/ustav-ss0-srv> (дата обращения: 12.10.2025)).

ставлен в Приложении. Гайд был составлен в соответствии с принципом «прямой воронки», предполагающим выстраивание вопросов в такой последовательности, при которой каждый последующий вопрос имеет меньший логический объем, чем предыдущий [Белановский, 2001: 77] Это позволило получить подробные данные об информанте (социальном статусе и горизонтах картины мира) и, путем предоставления ему свободы повествования, дополнительных фактов, имеющих отношение к истории Щербинино, которые обогатили понимание автором локуса деревни (т. е. ее культурно-географического контекста) и места в нем троицкого обряда. Структура гайда предполагала последовательное освещение информантами следующих тем: личные данные (возраст, профессия, увлечения, семья и т. д.); политика, религия и культура (общие представления об этих сферах жизни в России и участие в них информантов); история и культура Щербинино, праздник Троица, троицкий обряд и другие местные традиции.

По возрасту информантов можно разделить на следующие группы: молодые люди (26 и 29 лет), люди младшего среднего возраста (34, 34, 36, 36 лет), люди среднего возраста (43 и 46 лет), люди старшего возраста (61 и 67 лет). У большинства информантов (8 человек) есть дети, которые в раннем возрасте знакомятся с обрядом.

Никто из информантов не относится к людям творческих профессий, в основном это бухгалтеры, рабочие, менеджеры. Перечисляя хобби, только три информанта отметили творческую деятельность — рукоделие, живопись. Отсутствие среди информантов людей творческих профессий говорит о том, что их отношение к обряду не подпитывается профессиональным интересом (как в случае с неоязыческим сообществом, где идеологический костяк составляет творческая интеллигенция [Демидченко, 2015: 328—329]).

Политические взгляды информантов варьируются от либеральных до консервативных, традиционных. При этом прослеживается тенденция, что чем моложе информант, тем менее он способен определить свою политическую позицию и тем менее он в целом интересуется политикой. Из пяти информантов, сумевших четко определить свою политическую позицию, большинство (четверо) охарактеризовали свои взгляды как консервативные. При этом в ответах приверженцев консервативных взглядов встречаются такие слова, как «патриотизм», «традиционные ценности», что позволяет сделать вывод о солидарности примерно половины информантов (причем именно тех, которые более остальных осведомлены об обряде и имеют мнение по поводу его смысла, значения) с риторикой российских властей, конструирующих «традиционные ценности как фактор безопасности, суверенности и дальнейшего развития России» [Илларионов и др., 2023: 73].

Политической позицией информантов во многом объясняется и их видение современной русской культуры. Каждый информант назвал свой уникальный набор основных элементов русской культуры: для кого-то она представляется в образе семейных ценностей и традиционных праздников/обрядов, кто-то мыслит о ней в рамках шедевров искусства и материальных объектов КН, для других русская культура — это православие, русская кухня, русский менталитет, русский фольклор. Однако повторяющиеся ответы — менталитет, православие, искусство, семейные ценности, традиции — формируют более однородную композицию. Показа-

тельно также, что двое не близко знакомых друг с другом информантов назвали выразителем идей русской культуры И. И. Охлобыстина (подчеркнув при этом религиозную составляющую его деятельности). Актер известен своей общественной позицией, перекликающейся и в чем-то гиперболизирующей официальную позицию власти и церкви (идеи о катехонической, то есть препятствующей распространению зла, миссии России, о необходимости распространения патриотических чувств как одной из основ новой идеологии, о совместимости консерватизма и свободы личности⁶). Таким образом, можно сказать, что представления информантов о русской культуре в общем и целом диктуются смыслами, заложенными в государственной культурной политике.

Ключевая роль религии в культурных картинах мира информантов (лишь двое не считают себя верующими) дополнительно подтверждается популярностью отмечаемых ими праздников — второе, третье и четвертое места по популярности после Нового года (6 упоминаний) заняли Троица (5 упоминаний), Рождество и Пасха (по 4 упоминания). Веру большинство информантов (6 человек) понимают как праведный (в широком смысле этого слова) образ жизни (следование заповедям), а также ощущение некой внутренней духовной наполненности. Трое информантов выделили поминовение усопших как важный элемент своей веры (еще один информант отметил традицию православных похорон). Двое информантов подчеркнули посещение церкви как один из главных показателей веры в бога, в целом же информанты посещают церковь преимущественно по праздникам. Несмотря на позиционирование себя как верующих людей, информанты не сильно просвещены в христианстве: о смысле празднуемого ими праздника Троица им практически ничего не известно, предполагаемая суть праздника — некое символическое единение Отца, Сына и Святого Духа — выводится ими разве что из его названия. К Русской православной церкви (РПЦ) у информантов в целом нейтральное отношение, однако у троих она вызывает неоднозначные эмоции, потому что, с их слов, «наживается на прихожанах», а многие священнослужители «ведут неподобающе роскошный образ жизни». Три информанта также добавили, что, несмотря на свои религиозные чувства, выступают против религиозного фанатизма. Отношение к другим религиям и их представителям у всех без исключения информантов либо положительное, либо нейтральное.

Результаты ответов на первые два тематических блока гайда позволяют вывести коллективную картину мира информантов, характеризующуюся: 1) консервативным взглядом как продуктом современной политической повестки России с упором на «традиционные духовно-нравственные ценности»; 2) скорее национальным и религиозным, а не идеологическим самопозиционированием, характерным, как писал С. Хантингтон, для общемирового культурного пространства постсоветского периода [Хантингтон, 2003: 70]; 3) патриотизмом, православной верой, семьей как главными идентификационными маркерами⁷; 4) эклектично-

⁶ Оя Е. Иван Охлобыстин: «Миссия России — сохранение мира Божьего во всем спектре цветов» // Абзац. 2023. 30 июня. URL: <https://absatz.media/kultura/40542-ivan-ohlobystin-missiya-rossii-sohranenie-mira-bozhego-vo-vsyom-spektre-cvetov> (дата обращения: 29.11.2025).

⁷ Популярность данных маркеров подтверждается и массовыми социологическими опросами. См.: Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 2023. 30 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=m91epa79ih669473260> (дата обращения: 29.11.2025).

стью религиозных представлений, проявляющейся в разнородности представлений о религиозных праздниках, и бессистемностью в отправлении культа через посещение церкви (что подразумевает не крепкую осознанную веру, а скорее наличие доставшихся от предков «традиции верить» и веры в сверхъестественное, вследствие чего необходимо вести условно «правильный» образ жизни, то есть руководствоваться некими общегуманистическими ценностями и идеалами, принятыми в сообществе за традиционно им следуемые).

Как следует из социокультурного анализа коллективной картины мира информантов, общекультурные воззрения формируются под воздействием многочисленных внешне- и внутривнутриполитических факторов, инициируемых государством: примирение и конфронтация с Западом, выработка государственной идеологии, корректировка социальной, культурной, религиозной политики. Изменение общекультурных воззрений, в свою очередь, ведет к трансформации смысловой палитры щербининского обряда как культурного феномена.

Внутриполитические факторы при этом могут воздействовать на сознание людей либо напрямую — через средства массовой информации, либо опосредованно — через череду управленческих решений от федерального до муниципального уровня. Так, идеологическая повестка и религиозная политика оказывали существенное влияние на религиозное мировоззрение щербининцев, популяризацию и восприятие обряда. Близость деревни к поселению Демихово, где в 1935 г. был основан крупный машиностроительный завод, и микрорайону Карболит города Орехово-Зуево, где еще с начала XX века существовала Подгорная мануфактура И. Н. Зимина, обуславливала переход крестьянского населения в пролетарское, которое затем, по словам информанта № 10, «горячо приветствовало революцию» и охотно принимало идеи большевиков, отстраняясь от религиозных идей. При этом многие церкви в регионе в советское время не закрывались, а в самой деревне до 1950-х годов существовала часовня, куда по православным праздникам приезжал служить молебен батюшка («престольными праздниками здесь были Иванов день (7 июня) и Иван цветной, или Иван Купала (7 июля)»)⁸, что помогало поддерживать местные традиции. После перестройки началось восстановление позиции религии, в том числе и в форме популяризации старообрядчества в Восточном Подмоскowie⁹. Несмотря на тот факт, что данных о распространении когда-либо старообрядчества в Щербинино нет, общекультурный фон в Орехово-Зуевском районе, где на рубеже XX—XXI веков периодически «подогревалась» данная тема, воздействовал на щербининцев таким образом, что некоторые из них связывают семантику обряда и причины его сохранности со старообрядческим укладом, издревле существовавшим в Восточном Подмоскowie (4 информанта сами подняли данную тему, не сумев при этом хоть как-нибудь раскрыть суть течения).

Помимо политических, существуют социокультурные факторы. Порождаемый глобальным феноменом общества потребления культ материальных благ и денег

⁸ Красуленков Г. Д. Глубинка: деревня Щербинино. Поселение близ Вырки и дремучего соснового леса // Орехово-Зуевская правда. 2021. 5 июня. URL: <https://orehovozevo.bezformata.com/listnews/derevnya-sherbinino-poselenie-bliz/94478834/> (дата обращения: 29.11.2025).

⁹ Лизунов В. С. Старообрядческая Палестина (из истории Орехово-Зуевского края) // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение. 2007. 20 января. URL: https://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/19_lizunov.html?ysclid=m55c41me41522913755 (дата обращения: 29.11.2025).

занимает важнейшее место в картине мира россиян [Цветкова, 2018]. Об этом заявили и трое информантов в ответ на вопрос, какой мейнстрим в современной культуре нашей страны они бы выделили, добавив, что культ потребления влечет за собой затушевывание традиций. В контексте щербининского обряда потребление проявилось в смещении акцента с получения гостинцев на получение конкретно денег и в разделении гостинцев после завершения обряда, тогда как раньше, как было сказано, например, информантом № 10, собранное оставалось общим. Изменение статуса прилегающего к деревне поля с земли сельскохозяйственного назначения на землю под строительство, сопровождающееся увеличением числа людей, способных позволить себе загородные дома для отдыха, и новыми трендами в строительстве, сказалось на трансформации локуса деревни вследствие изменения внешнего вида многих домов, придомовых территорий и облика деревни в целом. Для многих жителей Щербинино превратилось из традиционной деревни «типичного русского ландшафта» [Культурный ландшафт..., 2004: 72—77] в современный российский дачный поселок. Важность локуса подчеркивается словами информанта № 2, который рассказывает, что русская культура в его жизни присутствует в образе его щербининского дома, напоминающего русскую избу. С отсылкой к идеям Н. Г. Федотовой можно говорить и об изменении и даже оскудении символического капитала (в его понимании Бурдьё) деревни, утрате элементов, обеспечивающих узнавание деревни и способствующих идентификации с нею жителей [Федотова, 2018].

Прямое и косвенное влияние внутри- и внешнеполитических и социокультурных факторов на трансформацию коллективной картины мира щербининцев говорит о наличии объективных предпосылок к метаморфозам представлений носителей наследия о феноменах НКН, отвечающем требованиям современности характере конструирования вкладываемых в наследие смыслов, зависимости процесса «наследиезации» от идеологического дискурса и глобальных культурных трендов. Глубокая встроенность факторов в жизнедеятельность индивида подчеркивает роль неосознанности конструирования.

Семантическая картина щербининского обряда и его положение в процессах «наследиезации» в современной России

Щербининский обряд по форме во многом совпадает с наблюдениями Е. Г. Борониной, Д. В. Громова и М. Б. Чернышевой. Среди оставшихся в памяти информантов, но утраченных в настоящее время элементов обряда можно назвать: 1) существовавшую в 1990—2000-е годы традицию участниц обряда наряжаться в «аутентичные» (сделанные на славянскую тематику) платья и наносить румяна на лица с целью, по выражению информанта № 5, «походить на таких исконно русских женщин, девушек», а также традицию украшать калитки и ворота березовыми ветками, декорированными (как и «кумушка») разноцветными ленточками; 2) дореволюционную традицию совместного приготовления из собранных яиц и потребления яичницы, что происходило, со слов информанта № 10, в лесу, куда молодежь шла после обхода дворов. Утрата перечисленных составляющих обряда говорит об общем упрощении его формы и, как минимум, частичном нивелировании смыслов, отсылающих к вернакулярным славянским верованиям.

Рис. 1. Участники обряда в деревне Щербинино, приблизительно 1992—1994 гг.¹⁰

Как и другие подмосковные троицкие обходные обряды, щербининский обряд имеет свой уникальный вариант «кумушки»:

*Ах ты Кумушка,
Ты голубушка,
Ты приземистая,
Прикулемистая,
Там, где кум прошел —
Там овес взошел,
Где кума прошла —
Там и рожь взошла,
А где девицы сидели —
Там и веники гремели,
Где ребята шли —
По яичку нашли¹¹.*

Слово «веники» в ответах представителей младшей возрастной категории заменено на слова «копеечки», «и денежки», что свидетельствует о затушевывании

¹⁰ Фото из личного архива Информанта № 2.

¹¹ Текст записан со слов информантов, воспроизведших его в формате пропевания или проговаривания.

первоначальных смыслов обряда и сведении его к детской забаве, увеличении роли сбора гостинцев (особенно денег) как компонента обряда.

В отличие от формы, содержание щербининского обряда (смысловая палитра в сознании индивидов), как показали интервью, представляет собой куда более весомый материал для изучения. Для систематизации сведений об актуальной смысловой картине обряда используется авторская концепция семантической картины, включающая три группы представлений: архаичные смыслы (семантика, совпадающая с той, которая записана этнографами и зафиксирована в исторических материалах), интерпретации (индивидуальные трактовки обряда, то есть те знаки и составляющие, через которые индивиды объясняют суть обряда) и мотивы (ключевые компоненты идеи обряда, прослеживаемые в представлениях большинства его участников и бессознательно ими постулируемые).

В интерпретациях информантами обряда прослеживаются три направления мысли (см. табл. 1). В более общих чертах информанты пытаются объяснить идею обряда религиозными или «народными» побуждениями. Под последними подразумевается конкретное значение обряда для деревни, семьи информанта и его деревенского круга общения — идея совершить обряд понятна только местному населению, независимо от религиозных взглядов его представителей. В этой идее читается связанный с идентичностью контекст. Будучи распространенным среди крайне узкого круга лиц¹² и связывающий давнюю традицию соседей, обряд предстает по сути одним из немногих культурных феноменов (если не единственным), который объединяет потомков общего сообщества предков в одной общей культурной плоскости. Религиозная интерпретация подразделяется на христианскую и «языческую» (в обыденном понимании этого слова). При этом следуя христиански-ориентированной интерпретации, информанты явно путают Троицу с Вербным воскресеньем. Некоторые информанты пытаются найти в своем культурном поле более известные и популярные культурные феномены, через которые можно было бы объяснить троицкий обряд, и таким феноменом оказывается, как ни странно, Хэллоуин.

Таблица 1. Типология интерпретаций троицкого обряда обхода дворов согласно ответам информантов

Интерпретации			
Религиозная		Народная	Аналогически конструируемая
Христианская	«Языческая»		
Березовые ветки символизируют лавровые или пальмовые ветви, с которыми встречали входившего в Иерусалим Христа	Обряд имеет целью некое восхваление для заклинания урожая и достатка в доме	Обряд всегда был, передавался от поколения к поколению, представляет собой яркое летнее мероприятие	Обряд представляет собой нечто схожее с традицией выпрашивания сладостей на Хэллоуин

¹² Форма исследуемого в статье обряда свойственна не просто щербининцам, но тому их подсообществу, которое проживает в определенной части главной улицы. У подсообщества проживающих на другой улице («слободке») щербининцев, например, текст песни «кумушки» немного отличается, как отмечают информанты.

Христианский подтекст, безусловно, является конструктом по отношению к сущности обряда как продукта славянских вернакулярных верований. Факт существования христианской интерпретации объясняется многовековой деятельностью церкви по замене традиций, связанных с вернакулярными верованиями, христианскими. Как говорит Информант № 10, несмотря на «народный окрас», данная троицкая традиция «считается христианской, привязана к празднику, и когда там (в Щербинино. — Прим. авт.) жили люди, которые исповедуют христианство, они это дело отмечали всегда».

Попытка объяснения подмосковного троического обряда через популярный в США и Западной Европе праздник Хэллоуин демонстрирует силу процессов глобализации и показывает, насколько популярность и успешность отдельного культурного феномена способны влиять на восприятие других культурных феноменов, в особенности тех, чьи значения существенно стерты временем.

«Народная» интерпретация также является конструктом. Безусловно, и в до-революционные времена многие люди участвовали в обряде, преимущественно отдавая дань традиции и не задумываясь над смыслом совершаемых действий, но в настоящее время, как показывают результаты интервью, «народная» интерпретация (то есть обряда как унаследованного культурного опыта) стала наиболее популярной. Шесть информантов ответили, что подразумевают под КН традиции, остальные варианты — культурные ценности, «информация культуры», история — были названы гораздо меньшим числом информантов (двумя, одним и одним человеком соответственно). Важно добавить, что, рассуждая о КН, восемь информантов мыслят он нем в первую очередь как о нематериальном феномене. Три информанта также сказали, что обряд можно считать частью КН в полном смысле этого слова тогда, когда он «живой», то есть когда он воспроизводится, что отсылает к пониманию НКН Б. Киршенблатт-Гимблетт [Kirshenblatt-Gimblett, 2004]. Понимание обряда как доставшейся от предков традиции также подтверждается сочетанием популярности в семьях информантов праздника Троица, единственным элементом которого по сути стал троицкий обходной обряд, с тем фактом, что некоторые информанты назвали обряд особенностью деревни, которая отличает ее от других деревень.

Что касается архаичных смыслов (упомянутых Т. А. Агапкиной, Д. К. Зелениным, В. Я. Проппом), то далеко не все из них сохранились в семантической картине щербининского обряда. Неизвестно, была ли она когда-либо присуща обряду тема загробной жизни. Учитывая, что почти треть информантов отметили поминание предков как важную для себя в религиозном контексте тему, но при этом ни один не коснулся этого вопроса, можно с уверенностью сказать, что данная проблематика не отражена в семантической картине обряда. Тема заклинания урожая также не является лейтмотивом — информанты обращаются к ней только после наводящих вопросов. Эротическая тема, по всей видимости, была естественным образом забыта ввиду постепенного «омолаживания» участников обряда. Культ растений представляет собой один из немногих сохранившихся элементов — информанты тщательно описывают предусмотренные обрядом манипуляции с березкой, она описывается с учетом антропоморфного содержания и остается символом обряда. Тема смеха, игрищ и увеселений остается, по всей видимости, наиболее хоро-

шо сохранившимся архаичным смыслом (или даже стала основной темой, так как в обряде в последние десятилетия участвуют только исключительно дети).

Ключевые мотивы, побуждающие щербининцев сохранять обряд, читаются также в двух других деревенских традициях информантов — отмечании названного информантом № 7 праздника Иван Цвётный (на который пекутся традиционные семейные пироги с черникой) и упомянутых информантами № 2 и 3 праздника первого огурца и осеннего праздника урожая (на которые устраиваются семейные застолья), — и представляют собой кулинарно-гастрономический и коммуникативный мотивы. Щербининский обряд привлекает детей возможностью полакомиться сладостями, поучаствовать в совместном интересном мероприятии и не без повода пообщаться с односельчанами, а взрослым позволяет порадовать детей угощениями, найти для своих детей новых друзей и самим пообщаться с соседями при сопровождении участников обряда.

Семантическая картина щербининского обряда (см. табл. 2) приводит к следующим выводам: 1) обряд имеет отсылки к вернакулярным славянским верованиям; 2) обряд сохраняется спонтанно и по мотивам, имеющим относительно бытовой характер; 3) смысловая наполненность проистекает из коллективной картины мира информантов, актуализированной, в свою очередь, современными социальными тенденциями; 4) обряд поддерживает чувство идентичности щербининцев.

Таблица 2. Семантическая картина троицкого обходного обряда в деревне Щербинино по результатам интервьюирования ее жителей

Архаичные смыслы	Культ растений	
	Тема смеха, игрищ и увеселений	
Интерпретации	Религиозная	Христианская
		«Языческая»
	Народная	
Аналогически-конструируемая		
Мотивы	Кулинарно-гастрономический	
	Коммуникативный	

Если располагать феномены НКН по степени осовременивания их содержания на отрезке между модернизированным наследием (то есть тем, в котором сохранившиеся архаичные смыслы соседствуют с современными смыслами) с одной стороны и наследием-конструктом (тем наследием, в семантике которого архаичные смыслы уступили место современным) — с другой, то щербининский обряд будет располагаться ближе к наследию-конструкту. «Наследиезацию» щербининского обряда можно охарактеризовать как бессознательную, восходящую (инициируемую сообществом). При апеллировании к тем же общим смыслам неоязыческий подход к «наследиезации» весенне-летней славянской обрядности абсолютно другой. Неоязыческое наследие не может быть отнесено к модернизированному или наследию-конструкту, потому что является псевдонаследием (то есть не имеет доказанных отсылок к прошлому и было изначально создано, исходя из современ-

ных целей). «Наследиезация» в неоязыческом сообществе является целенаправленной, нисходящей (инициируемой лидерами мнений). Сравнение щербининской и неоязыческой практик позволяет сделать вывод о зависимости трансформации семантической картины НКН от социальных позиций и целей носителей наследия.

Заключение

Одно и то же НКН может иметь разные (не всегда аутентичные) смыслы для его носителей, что демонстрируют результаты рассмотрения трансформации щербининского обряда в рамках конструктивистской концепции с применением семиотического подхода. Главные векторы трансформации семантической картины щербининского обряда:

1) продолжающееся вытеснение отсылающих к вернакулярным славянским верованиям смыслов христианскими (причем на данный момент без религиозной конкретики, что способствует эклектичности интерпретаций обряда);

2) все большее наделение обряда наследническим смыслом вследствие поиска носителями идентичности, вызванного традиционным поворотом в российской политике и изменениями социокультурного ландшафта деревни и Восточного Подмосковья;

3) наполнение обряда смыслами, почерпнутыми в процессе культурной социализации (хэллоуинским подтекстом), вследствие постепенного забывания архаичных смыслов;

4) усиление роли некогда второстепенных элементов обряда — кулинарно-гастрономической и коммуникативной составляющих — в силу современных запросов на развлечения и общение (способствующее поддержанию идентичности).

Смыслы НКН трансформируются под влиянием различных факторов, которые можно разделить на три группы: внешнеполитические, внутривнутриполитические и социокультурные. На радикальные изменения смысловой палитры щербининского обряда оказали прямое и косвенное влияние политические и культурные тренды XX—XXI веков, конструируя картины мира носителей обряда.

Метаморфозы смыслов НКН следует изучать в контексте «наследиезации» — постоянного процесса конструирования семантики культурного феномена, воспринимаемого в качестве наследия. «Наследиезация» бывает бессознательной или целенаправленной, нисходящей или восходящей (инициируемой для сообщества или им самим), исторически обоснованной или безосновательной (имеющей или не имеющей доказанное отношение к прошлому). Щербининский обряд является примером бессознательной, восходящей, исторически обоснованной (в отличие от славянского неоязычества в его современном виде) «наследиезации».. По степени аутентичности феномены НКН подразделяются на модернизированное наследие, наследие-конструкт и псевдонаследие. Щербининский обряд располагается между первыми двумя типами, тяготея ко второму.

Толкование понятия КН через «традиционные духовно-нравственные ценности» и формирование восприятия щербининского обряда в контексте поиска идентичности на уровне государства и выработки национальной идеи подтверждают выдвинутую во введении гипотезу. Идея обряда схожа с идеей праздника, «являющегося стандартным способом репрезентации коллективной идентичности» [Пе-

тухов, Бараш, 2014: 90], но имеет более глубокую духовную направленность. Будучи воспринимаемым в качестве наследия, щербининский обряд демонстрирует тенденцию обращения информантов к прошлому, через которое они стараются самоидентифицировать себя. Учитывая возрастающую роль традиций в системе смысложизненных установок россиян после начала СВО [Седова, 2023], можно предположить, что под воздействием импульсов к легитимации актуальной картины мира через прошлое щербининский обряд будет продолжать трансформироваться, в первую очередь в сознании его носителей.

Список литературы (References)

1. Абдулаева Э. С., Курбанова Л. У. Меморизация событий как способ влияния на общественное сознание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 17—20.
Abdulayeva E. S., Kurbanova L. U. (2023) Memorization of Events as a Way to Influence Public Consciousness. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. No. 6. P. 17—20. (In Russ.)
2. Авдоница Д. Д., Бруталъский Н. П., Гаврилов Д. А., Сперанский Н. Н. Манифест языческой традиции. М.: Ладога-100, 2007.
Avdonina D. D., Brutal'sky N. P., Gavrillov D. A., Speransky N. N. (2007) Manifesto of the Pagan Tradition. Moscow: Ladoga-100. (In Russ.)
3. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М.: Индрик, 2002.
Agapkina T. A. (2002) Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Актуально о музейном: 55-летию Сургутского краеведческого музея посвящается / под общ. ред. М. Ю. Селяниной; отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут: Издательско-полиграфический комплекс, 2019.
Isaeva T. A., Selyanina M. Yu. (eds.) (2019) Museum News: Dedicated to the 55th Anniversary of the Surgut Museum of Local Lore. Surgut: Publishing and printing complex. (In Russ.)
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
Anderson B. (2001) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole. (In Russ.)
6. Белановский С. А. Индивидуальное глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.
Belanovsky S. A. (2001) Individual In-Depth Interview. Moscow: Nikkolo-Media. (In Russ.)
7. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука. Ин-т. Славяноведения РАН, 2008.

- Belova O. V., Petrukhin V. Ya. *Folklore and Bookishness: Myth and Historical Realities*. Moscow: Nauka. The Institute for Slavic Studies of the RAS. (In Russ.)
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
  9. Боронина Е. Г. Троицкий обход дворов в Восточном Подмоскowie // Живая старина. 2015. № 4. С. 11—14.
Boronina E. G. (2015) *Trinity Home-to-Home Walk in the Eastern Moscow Region*. *Zhivaya Starina*. No. 4. P. 11—14. (In Russ.)
  10. Брусъко З. М. Дети как носители традиции: обходные обряды у татар // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. М. Г. Матлин. Москва; Ульяновск: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. № 1. С. 130—137.
Brusko Z. M. (2020) *Children as Bearers of Tradition: Circumambulation Rites among the Tatars*. In: Dobrovolskaya V. E., Ippolitova A. B., Matlin M. G. (eds.) *Slavic Traditional Culture and the Modern World. No. 18: Children's Culture and Folklore in the Sociocultural Space of Russia*. Moscow; Ulyanovsk: State Russian House of Folk Art named after V. D. Polenov, Center of Folk Culture of the Ulyanovsk Region. No. 1. P. 130—137. (In Russ.)
  11. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007.
Bourdieu P., Passeron J. C. (2007) *La Reproduction: Eléments pour Une Théorie du Système D'enseignement*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
  12. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1991. № 4. С. 5—18.
Vygotksy L. S. (1991) *The Problem of the Cultural Development of the Child*. *Lomonosov Psychology Journal*. No. 4. P. 5—18. (In Russ.)
  13. Гальковскій Н. М. Борьба христианства съ остатками язычества въ Древней Руси. Т. I. Харьков: Епархiальная Типографiя, 1916.
Gal'kovsky N. M. (1916) *The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus'*. Vol. 1. Kharkov: Eparxial'naya Tipografiya. (In Russ.)
  14. Громов Д. В. Троицкий обход дворов в Восточном Подмоскowie // Живая старина. 2023. № 4. С. 56—58.
Gromov D. V. (2023) *Trinity Home-to-Home Walk in the Eastern Moscow Region*. *Zhivaya starina*. No 4. P. 56—58. (In Russ.)
  15. Гун Г. Е. Процессы мемориализации в современной культуре // Вестник культуры и искусств. 2018. № 2. С. 46—52.

- Gun G. E. (2018) Memorialization Processes in Modern Culture. *Culture and Arts Herald*. No. 2. P. 46—52. (In Russ.)
16. Демидченко В. В. К вопросу о неоязычестве // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 325—333.
Demidchenko V. V. (2015) On the Question of Neo-Paganism. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. Vol. 20. No. 1. P. 325—333. (In Russ.)
17. Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Дело, 2022.
Eremeeva S. A. (2022) *Memory: Battlefield or Harvest Field?* Moscow: Delo. (In Russ.)
18. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной. М.: Наука, 1991.
Zelenin D. K. (1991) *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
19. Илларионов Г. А., Грицков Ю. В., Морозова О. Ф., Рахинский Д. В. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 71—74.
Illarionov G. A., Gritskov Yu. V., Morozova O. F., Rakhinsky D. V. (2023) Traditional Values: Correlation of Scientific Concept and Political Project. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 10. P. 71—74. (In Russ.)
20. История России, русской культуры и русской церкви в IX—XVIII столетиях: материалы Всероссийской конференции памяти профессора В. А. Плугина / сост. Д. И. Володихин. М.: Снежный Ком М, 2022.
Volodikhin D. I. (ed.) (2022) *History of Russia, Russian Culture and the Russian Church in the 9th—18th Centuries: Proceedings of the All-Russian Conference in Memory of Professor V. A. Plugin*. Moscow: Snezhny Kom M. (In Russ.)
21. Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А. Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 361—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-361-377>.
Kimeeva T. I., Abramova P. V., Nasonov A. A. (2021) Interpretation and Reconstruction of Traditional Rituals on Semiotic Approach (Shor Rite 'Shachig'). *Nauchnyi Dialog*. No. 6. P. 361—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-361-377>. (In Russ.)
22. Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
Korinfsky A. A. (2013) *People's Rus'*. Moscow: Institut Russkoj Civilizacii. (In Russ.)
23. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. (eds.) (2004) *Cultural Landscape as a Heritage Site*. Moscow: Russian Heritage Institute; Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)
24. Лапин Н. И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 6—42. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42>.

- Lapin N. I. (2021) “Russian Civilization Development Project” and Anthroposociocultural Approach. *Civilization Studies Review*. Vol. 3. No. 1. P. 6—42. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42>. (In Russ.)
25. Лютаева М. С. «Живая религия» и «вернакулярная религия». Проблема концептуализации терминов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 3. С. 119—127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V261>.
Lyutaeva M. S. (2023) “Lived Religion” and “Vernacular Religion”. Conceptualization of the Terms. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. Vol. 23. No. 3. P. 119—127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V261>. (In Russ.)
26. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978.
Mazaev A. I. (1978) *Holiday as a Socio-Artistic Phenomenon: An Experience of Historical and Theoretical Research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
27. Макаренко А. С. Книга для родителей // Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М.: Педагогика, 1985. Т. 5.
Makarenko A. S. *A Book for Parents* (1985). In: Gordin L. Yu., Frolov A. A. (eds.) *Pedagogical Works: in 8 Vols*. Moscow: Pedagogy. Vol. 5. (In Russ.)
28. Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 83—101.
Petukhov V. V., Barash R. E. (2014) The Russians and the “Russian World”: The Historical Context and the Contemporary Interpretation. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 83—101. (In Russ.)
29. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра-Азбука, 1995.
Propp V. Ya. (1995) *Russian Agrarian Feasts*. Saint Petersburg: Terra-Azбука. (In Russ.)
30. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. (Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.): в 3 т. / под ред. Н. Н. Харузина. М.: Типографія А. Левенсонъ и К°, 1889—1891.
Kharuzin N. N. (ed.) (1889—1891) *A Collection of Information for Studying the Everyday Life of the Peasant Population of Russia (Customary Law, Rituals, Beliefs, and etc.) in 3 Vols*. Moscow: Tipografiya A. Levenson i K°. (In Russ.)
31. Седова Н. Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 283—304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498>.
Sedova N. N. (2023) Dynamics of Russians’ Attitudes and Consolidation Potential of Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 283—304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498> (In Russ.)

32. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения; Институт славяноведения РАН, 2009.
Tolstoy N. I. (ed.) (2009) *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 4: P (Water Crossing) — S (Sieve). Moscow: International Relations Publishing House; Institute of Slavic Studies of the RAS. (In Russ.)
33. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141—155.
Fedotova N. G. (2018) *Symbolic Capital of the Place: Notion, Peculiarities of Accumulation, Research Methods*. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. No. 29. P. 141—155. (In Russ.)
34. Филякин А. Ю. Индуктивный и дедуктивный методы в современном подходе к изучению нематериального культурного наследия // Наука. Искусство. Культура. 2025. № 2. С. 96—106.
Filyakin A. Yu. (2025) *Inductive and Deductive Methods in the Modern Approach to the Study of Intangible Cultural Heritage*. *Science. Arts. Culture*. No. 2. P. 96—106. (In Russ.)
35. Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой / ред. Н. Н. Гилярова. М.: Московская консерватория, 2004.
Gilyarova N. N. (ed.) (2004) *Folklore: Modernity and Tradition*. Proceedings of the Third International Conference in Memory of A. V. Rudneva. Moscow: Moscow Conservatory. (In Russ.)
36. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.
Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.)
37. Хачатурян В. М. Феномен архаизации в культурной динамике: автореф. дисс. ... д-р культурологии. М.: Государственная академия славянской культуры, 2012.
Khachaturian V. M. (2012) *The Phenomenon of Archaization in Cultural Dynamics*. Extended Abstract of the Doctor Dissertation in Cultural Studies. Moscow: Institut Slavyanskoy Kul'tury. (In Russ.)
38. Цветкова О. Л. Генезис общества потребления в постсоветской России и культурное влияние США // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 281—292.
Tsvetkova O. L. (2018) *Genesis of Consumer Society in Post-Soviet Russia and US Cultural Influence*. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. No. 4. P. 281—292. (in Russ.)
39. Чернышева М. Б. Троицкий обряд. Народная музыка Восточного Подмосковья // Музыкальная академия. 1996. № 2. С. 118—130.
Chernysheva M. B. (1996) *Trinity Rite. Folk Music of the Eastern Moscow Region*. *Music Academy*. No. 2. P. 118—130. (In Russ.)

40. Шахнович М. М. Антропологические аспекты локальных культов: теоретико-методологические подходы изучения // Третьи степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху / отв. ред. В. А. Лекторский, В. Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2023. С. 594—598.
Shakhnovich M. M. (2023) Anthropological Aspects of Local Cults: Theoretical and Methodological Approaches to Studying Religious Places of Memory. In: Budanov V. G., Lektorsky V. A. (eds.) *The Third Stepin Readings. Prospects for the Philosophy of Science in the Modern Era*. Kursk: Universitetskaya kniga. P. 594—598. (In Russ.)
41. Шиженский Р. В. Современное русское язычество: религиоведческая концептуализация: автореф. дисс. ... д-р. филос. наук. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2024.
Shizhensky R. V. (2024) Modern Russian Paganism: Religious Studies Conceptualization. Extended Abstract of the Doctor Dissertation in Philosophy. Nizhny Novgorod: Minin University. (In Russ.)
42. Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012.
Shnirelman V. A. (2012) Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and Nationalism in Modern Russia. Moscow: BBI. (In Russ.)
43. Kusek R., Purchla J. (eds.) (2019) *Heritage and Society*. Krakow: International Cultural Centre.
44. Huang J., Zhou X. (2024) The Heritagization of Cultural Politics: Anthropological Research on Chinese Cultural Heritage. *International Journal of Anthropology and Ethnology*. Vol. 8. Art. 12. <https://doi.org/10.1186/s41257-024-00113-7>.
45. Kirshenblatt-Gimblett B. (2004) Intangible Heritage as Metacultural Production. *Museum International*. Vol. 56. № 1—2. P. 52—65. <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2004.00458.x>.
46. Lowenthal D. (1998) *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press.
47. Macdonald S. (2013) *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. London, New York: Routledge.
48. Nilsson P. Å. (2018) Impact of Cultural Heritage on Tourists. The Heritagization Process. *Athens Journal of Tourism*. Vol. 5. № 1. P. 35—54.

Приложение

Таблица 1. *Социально-демографический состав информантов*

№	Пол	Возраст	Профессия	Место фактического проживания
1	ж	34	Домохозяйка	Москва
2	ж	43	Консультант в консалтинговой компании	Москва, Щербинино
3	ж	67	Бухгалтер	Москва
4	м	36	Бригадир на заводе	Щербинино
5	м	34	Специалист по разработкам на промышленном предприятии	Демихово
6	ж	29	Работник МЧС, фермер	Демихово, Щербинино
7	ж	46	Домохозяйка	Москва
8	ж	26	Банковский представитель, домохозяйка	Орехово-Зуево
9	м	36	Менеджер в железнодорожной компании	Москва
10	ж	61	Бухгалтер	Москва, Щербинино